

УДК 2.23:261.6

ФАКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ ХРИСТИАНСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

О. Н. Демченко

*Кандидат философских наук, доцент,
ORCID 0000-0001-6472-8816,
e-mail: demchon@yandex.ru,*

И. В. Демченко

*кандидат педагогических наук, доцент,
ORCID 0000-0001-8096-2960,
e-mail: lhjy90@yandex.ru,*

Г. В. Семенов

*кандидат педагогических наук, доцент,
e-mail: Sg40@mail.ru,
Норильский государственный
индустриальный институт,
г. Норильск, Россия*

FACTORS IN THE EVOLUTION OF CHRISTIANITY IN THE MODERN

O. N. Demchenko

*Ph.D. (Philosophy), associate professor,
ORCID 0000-0001-6472-8816,
e-mail: demchon@yandex.ru,*

I. V. Demchenko

*Ph.D. (Pedagogics), associate professor,
ORCID 0000-0001-8096-2960,
e-mail: lhjy90@yandex.ru,*

G. V. Semenov

*Ph.D. (Pedagogics), associate professor,
e-mail: Sg40@mail.ru,
Norilsk State Industrial Institute,
Norilsk, Russian*

Abstract. The article examines such leading factors in the evolution of Christianity in the modern world as secularization, globalization and demographic processes. The contradictory influence of these factors on the prospects for the evolution of Christianity is revealed. On the one hand, their action leads to the erosion of Christian identity and the fall of the authority of church institutions, the weakening of the role of the Christian religion in society, competition within Christianity and conflicts with other religions. On the other hand, under their influence in the post-secular society, interest in the Christian tradition is revived as one of the ways to solve the problems of human existence and a symbol of national-state identity, a dialogue of Christianity with alternative worldviews is developing.

Keywords: Christianity; secularization; post-secularity; individualization of religion; religious pluralism; globalization; demographic processes.

На протяжении веков христианство являлось универсальным измерением социальной жизни, обосновывала общезначимые стандарты поведения и мировоззренческие установки. В ходе эволюции христианская религия обобщала и аккумулировала систему взглядов и духовных практик в качестве общечеловеческих

ценностей. И сегодня христианство продолжает оказывать воздействие на сознание и поведение более 2 млрд. своих последователей, на общественные и международные процессы. В этой связи анализ проблемы перспектив существования христианства в современном мире может стать ключом к более глубокому понима-

нию определяющих социально-духовных тенденций развития человеческой цивилизации и путей ее выхода из глобального кризиса.

Решающее воздействие на эволюцию христианства оказывает секуляризация – процесс освобождения от влияния религии различных сфер жизнедеятельности человека и общества. Секуляризация проявляется в ослаблении институционального контроля над религиозными взглядами людей и массовом отходе верующих от церкви, сокращении некоторых функций религии, утверждении в общественном сознании нерелигиозного мировоззрения, вытеснении религии на периферию общественной жизни.

Закономерным результатом секуляризации выступает субъективизация и приватизация религиозной веры – религия становится делом индивидуального выбора человека, религиозная активность смещается в сферу частной жизни. Потеря религией социального измерения компенсируется ростом ее личностного измерения, ведет к новым формам религии, которые лишают универсальной значимости традиционные ценности и установки. Религия сохраняется как составная часть внутреннего мира человека, продолжая воздействовать на него косвенным образом. Таким образом, секуляризация означает не исчезновение религии, а утрату религией своей социальной значимости [11, с. 153].

В последнее время обсуждение проблемы места и роли религии в обществе осуществляется с помощью термина «постсекулярность» [9, 10, 14, 15]. Он интерпретируется, по крайней мере, в трех аспектах: как критика секулярности; как диалектика религиозного и светского взглядов на мир; как качество религиозного сознания и практики веры [4, с.107]. Представляется, что именно третий аспект, является наиболее важным для определения возможностей христианства в современной культуре.

Современная религиозность чрезвычайно многогранна и выражает себя в различных областях жизни человека. По сути дела, весь ее смысл можно свести к высокой степени личностной вовлеченности индивида в процесс формирования и переделывания своих религиозных убеждений. В постсекулярном пространстве кардинально изменяется сущность индивидуализации религии. Как показывает У. Бек, она характеризует не индивидуализацию внутри религии (такая форма исторически связана с Реформацией) – вера это продукт личного переживания библейского Бога, но индивидуализацию самой религии, которая предполагает создание собственного Бога, собственной религиозной идентичности [13, р. 81].

К основным чертам индивидуальной религиозности можно отнести: 1) мозаичность, внутреннюю аморфность, отсутствие доктринального стержня, интегрирующего множественность воззрений и объектов культа; 2) высокую степень открытости и толерантности по отношению к различным религиозным традициям; 3) поиск новых духовных основ и смыслов человеческого бытия, нередко утопичных и иллюзорных, но согласующихся с запросами современного индивида; 4) синкретичность мировоззрения, в котором сплавлены самые разные формы духовных представлений и практик (религия, мистика, эзотерика, светские учения и т.д.).

Носители индивидуальной религиозности считают, что к встрече с Богом может привести только самостоятельный поиск человека, без посредничества церкви. В итоге происходит ревитализация религии в форме «бедной веры» – веры без конкретной конфессиональной идентичности, вне связи с институционализацией, догматикой и обрядовой стороной [12, с. 21]. Индивидуальное богостроительство осуществляется в ходе процесса производного конструирования и комбинирования фрагментов разнотипного по своей природе и функциям религиозного и светского материала на базе личных пережи-

ваний и опыта человека, собственного внутреннего отношения к миру.

Индивидуализация религии не только отрывает новые векторы поиска человеком своих религиозных взглядов, но и одновременно повышает степень нестабильности, неопределенности и риска. В конечном счете, она отражает, в первую очередь, сущность духовных исканий современного человека, сфокусированного на ценностях самовыражения, его стремление к межкультурной и межрелигиозной коммуникации. Поэтому в обществе эпохи модерна религия не приобретает статус мировоззренческой доминанты, а в значительной степени становится продуктом моды, способом символической самоидентификации [7, с. 87].

Индивидуализация религии неразрывно связана с ситуацией религиозного плюрализма, которая означает взаимодействие различных религий и их открытой конкуренции. Встреча этноконфессиональных традиций зачастую продуцирует альтернативные христианству религиозные новообразования. Под воздействием плюрализма религия перестает восприниматься как нечто должное, абсолютное и безусловное, исключая критику и сомнение. Сегодня уверенность христианского сообщества в исключительности своего откровения подорвана все более четким осознанием религиозного многообразия. В ситуации плюрализма возникает новое соотношение между разными религиозными истинами, их совмещение повышает ценность собственного религиозного опыта человека [9, с. 61].

Индивидуализация и плюрализация религии приводят к усилению субъективизации и релятивизации религиозной веры, подрывает христианскую идентичность в современном мире. В то же время, они делают христианство открытым для контакта с иными религиозно-культурными традициями. Диалог взаимоисключающих религиозных и светских мировоззрений, признанных в качестве

равноценных и равноправных, выступает ведущей характеристикой постсекулярного общества.

Таким образом, постсекуляризм не отменяет результатов секуляризации, не приводит к исчезновению традиционных религий, но трансформирует содержание и формы проявления религиозной веры. «Парадокс секуляризации» состоит в том, что она стимулирует возрождение интереса к сфере трансцендентных, предельных ценностей и идеалов в XXI веке. А именно эта сфера и является истинным предназначением религии [13, с. 26]. Иными словами общественная потребность в религии продолжает сохраняться, потому что сохраняется «духовная» повестка в жизни человека, фундаментальная потребность свободной личности в системе ориентаций и объекте служения. В этой ситуации христианство может обрести новые импульсы для своего развития, заручившись поддержкой той части общества, которая пытается найти ответы на смысло-жизненные проблемы бытия в освященной веками религиозной традиции.

Ведущим фактором развития христианства выступает глобализация. Огромную роль здесь играют глобальные средства массовой коммуникации, в первую очередь, Интернет. Глобализация формирует глобальный рынок религиозной продукции, способствует расширению объема и разнообразия религиозных потоков, возрастанию скорости религиозного обмена, изменяет средства доставки религиозной информации и религиозного общения. Воздействия Интернета радикально изменяет сознание и поведение верующих, институциональные и культовые основы самих религиозных систем, их функции. Происходит виртуализация и коммерциализация религии, возникают угрозы размывания религиозной идентичности, усиление интереса к нетрадиционной религиозности, рост конфликтных ситуаций [1].

Глобальные масс-медиа становятся эффективным средством конкурентной борьбы, привлечения масс к религии. Ярким примером является использование Ватиканом PR-технологий для конструирования нового имиджа католической церкви – образа Церкви, которая служит бедным и страдающим. Глобальные СМИ широко освещают визиты папы Франциска, в ходе которых понтифик оmyвает ноги заключенным в тюрьме, целует больного и т.д., призывает к «революции нежности в противоположность глобализации равнодушия», доминирующего в современном мире.

Глобализация изменяет религиозный ландшафт мира. Религия начинает выстраиваться поверх исторически существующих конфессиональных, политических, культурных и цивилизационных границ. Она отрывается от своих исторических корней, превращается в транснациональную, транскультурную, трансэтническую. Примерами таких глобальных религий могут служить протестантские евангелические Церкви, неопятидесятничество, движение «Нью-эйдж», бахаизм и некоторые другие. По мнению П. Бергера, именно «евангельский протестантизм, особенно пятидесятничество, является наиболее серьезным массовым движением, которое служит средством культурной глобализации» [6, с. 15].

Следствием глобализации является переход к сетевым формам организации различных сфер человеческой деятельности (сетевое предприятие в экономике, интерактивная политическая система в политике и т.д.), в том числе и религиозной. В сетевой модели религии отсутствует единый центр управления, имеют место автономные общины с подвижными связями и гибкой системой руководства и соподчинения. Эти общины свободно дробятся, отделяются, отпочковываются друг от друга и легко преодолевают существующие культурные, политические и конфессиональные барьеры. К ним относятся, харизматические протестантские церкви,

ряд исламских, буддистских, индуистских «сетевых» организаций.

Применяя новейшие компьютерные технологии, религия вновь превращается в первостепенный фактор жизни общества. Уже сегодня теле- и интернет-проповедники оказывают огромное влияние на взгляды аудитории не только своей страны, но и различных регионов мира. Так, широкую известность в христианском мире получил нигерийский телеэвангелист Мэттью Ашимолово, глава мегацеркви – Международного христианского центра «Кингсвэй» (KICC). Он проповедует учение «о здоровье и преуспеваемости» в бедных кварталах Лондона.

Но религия не только испытывает влияние глобализации, но и оказывает обратное воздействие на этот процесс. Сетевые религиозные организации становятся мощным орудием противодействия глобальной модернизации мира. Их руководители, имеющие в своем распоряжении значительные финансовые ресурсы, в состоянии направить социальные и политические протесты в нужное им русло, прежде всего в странах, оказавшихся в состоянии кризиса. Благодаря социальным сетям религия все чаще вовлекается в политические технологии формирования религиозной и культурной нетерпимости. Религиозные активисты могут использовать священные тексты и исторические традиции для подогревания недовольства населения, апеллируя к социальной справедливости.

Глобализация приводит к унификации культур, навязыванию западного цивилизационного стандарта в качестве обязательного для организации внутренней жизни стран и народов. Обратной стороной глобализации выступает локализация – попытки культур противостоять негативным аспектам глобализации, которые чреватy культурной и духовной экспансией, через поиск собственной идентичности. Как указывает М. Кастельс «Эра глобальной экономики есть также эра локальной политики» [3, с. 125]. Эта

политика направлена на защиту и укрепление национального суверенитета и традиционной культуры.

Радикальные изменения в мире, слом основного конфликта предшествующего исторического этапа между социальными системами (капитализмом и социализмом), рост неопределенности и угроз заставляет многих людей обратиться к своим культурным истокам и традиционным ценностям. Хотя в эру глобализации религия все меньше привязана к той или иной территории, для любой конфессии по-прежнему продолжают сохранять главную роль особенности пространства (культурные, экономические, политические и т.д.), на котором она стремится обрести своих последователей [8, с. 15].

Исторические религии доминировали в национальной культуре в течение длительного времени, выступали определяющим фактором этногенеза, формирования национального самосознания. Так, несмотря на универсализм и вселенский характер, христианство является национальным маркером для многих европейских народов. Быть поляком, испанцем, португальцем, ирландцем и т.д. – значит быть католиком, а быть русским, болгарин, сербом, греком и т.д. – значит быть православным. Поэтому ослабление роли государства и его замена надгосударственными образованиями крайне не выгодно традиционным религиям и вызывает с их стороны негативную реакцию и сопротивление.

В этом отношении глобализация способствует возрождению локальных религиозных традиций в качестве символов национальной духовности и государственности, уникальности своей культуры в борьбе против иностранного влияния. Размывание основ национальной государственности может стать причиной потери религиозной идентичности для части населения. Отсюда стремление традиционных религий укрепить связь с государством, этническими или национальными группами, противостоять натиску новых религий

и расширить свое влияние, поддержать государственную политику обеспечивающую сохранение национально-культурной самобытности [11, с. 161]. В настоящее время превращение религии в способ самовыражения культурной идентичности является общемировой тенденцией. Показательно, что идейный кризис и слабость государств Евросоюза в выражении и защите своей идентичности заставили европейских политиков обратиться за помощью к христианской идеологии [5].

В ответ на западную модель глобализации, которая порождает несправедливый миропорядок, возникают альтернативные проекты глобализации, финансируемые спецификой культуры и запросами своих стран. Религия может стать ценностно-нормативным ядром нового «глобального мироустройства». Уже существуют различные версии исламской глобализации, разрабатываются варианты католической и православной глобализации. Все их объединяет требование справедливой глобализации, идея состыковки рыночной экономики и религиозных ценностей.

Игнорирование религиозного фактора политическими элитами Запада способно вызвать массовое насилие на основе бескомпромиссного противостояния цивилизаций. В этой связи возникает угроза глобальных конфликтов религий, которые будут определять политические процессы огромных регионов. Более того, эпоха религиозных войн уже началась. Сегодня отмечается усиление противостояния индуизма с христианством и исламом в Индии, иудаизма и ислама на Ближнем Востоке. Логично предположить, что по мере роста значимости таких стран как Китай, Вьетнам и Таиланд в конфронтацию с христианством и исламом может войти и буддизм.

Однако наибольшую опасность представляет столкновение христианства и ислама. В настоящее время зоны их конфронтации уже сформировались – Судан, Нигерия, Египет, Ирак, Пакистан, Сирия,

Индонезия. Пространством потенциального конфликта христианства и ислама может стать Центрально-Азиатский регион. Фронт межцивилизационной битвы открылся и в самой Европе в результате волны миграции из мусульманских стран и краха политики мультикультуризма. Страх перед исламским терроризмом и экстремизмом служит основой радикализации европейского общества, усиления влияния националистических партий, выступающих с позиции воинственного неприятия ислама («Партия свободы» в Нидерландах, «Лига Севера» в Италии, «Шведские демократы» в Швеции и др.). Существует связь кризиса христианства и кризиса европейской идентичности, поскольку в европейском самосознании присутствует христианская история и традиция. Отсюда рост христианского фундаментализма в качестве ответа на угрозу со стороны представителей иных религиозно-культурных традиций.

Риски столкновения ислама и христианства в ближайшие десятилетия будут увеличиваться по ряду наиболее с вопросов (генетические технологии, права женщин и др.), главный из которых – различия в доходах между богатыми и бедными. Именно вокруг конфликта христианства и ислам будет вращаться международная политика. Следует признать, что само существование и развитие современной цивилизации в значительной степени будет зависеть от того, смогут ли ислам и христианство мирно сосуществовать и как долго это продлится.

Особое значение для современного христианства имеют демографические изменения в структуре человечества. В течение длительного времени история христианства была неразрывно связана с Западом, что позволяло говорить о «европейской христианской цивилизации». Сегодня резкое сокращение населения европейских стран и его бурный рост в Азии, Африке и Латинской Америке приводит к тому, что церковные центры христианства перемещаются из Италии, Франции, Ис-

пании и США в Бразилию, Мексику, Эфиопию, Филиппины [2]. В 2002 году в мире насчитывалось 2 млрд. христиан. Наибольшее их количество, 560 млн. – в Европе, 480 млн. – в Латинской Америке, 360 млн. – в Африке, 260 млн. в Северной Америке. Но уже в 2025 году, когда количество христиан в мире составит 2,6 млрд., 640 млн. из них будут жить в Латинской Америке, 633 млн. – в Африке, 555 млн. – в Европе, 460 млн. – в Азии. В 2050 году только каждый пятый из 3 млрд. христиан в мире будет белым (неиспанского происхождения) христианином [16, с. 167]. Об определенном завершении исторической миссии христианства на западе свидетельствует и отсутствие в Конституции Евросоюза упоминания о «христианских корнях» европейской цивилизации.

На Юге возникает новое христианство бедных и многочисленных стран второго и третьего мира. В силу демографического большинства они превращаются в главную силу изменяющую картину мира, в том числе и религиозную. Руководство христианских конфессий не может не учитывать такого рода перемены в своей деятельности. Показательно, что в 1998 году, когда отмечалась 50-я годовщина создания Всемирного Совета Церквей, местом проведения конференции было избрано Зимбабве, а следующая генеральная ассамблея состоялась в Бразилии в 2006 г. Ярким подтверждением христианского тренда с глобального Севера на глобальный Юг является выбор аргентинского кардинала Мари Хосе Бергольо 2013 году римским папой под именем Франциска.

Совместное и противоречивое действие факторов секуляризации, глобализации и демографического сдвига, по всей видимости, будет определять будущее христианской религии. В XXI веке христианству все сложнее преодолевать расхождение между религиозными и либеральными ценностями современного общества – в первую очередь, моральными

установками массового сознания и принципами христианской этики. Казалось бы, что вызовы секулярного мировоззрения должны консолидировать христианское сообщество. На самом деле христианские церкви все дальше отходят от возможности реального объединения. Некоторые из них демонстрируют отход от базисных норм религиозной традиции, другие – больше озабочены вопросами конкурентной борьбы, а не идеей христианской солидарности. Разработать общую позицию и противостоять наступлению либеральной идеологии в состоянии только консервативные круги христианских церквей.

Сегодня христианская религия получила реальную возможность вступить в открытый диалог с современным обществом для поиска нового соотношения религиозного и светского взгляда на Бога, мир и человека в мире. Как духовно-нравственная сила христианская религия обладает огромным потенциалом. Перспективы эволюции христианства прежде всего будут зависеть от способности христианских церквей конвертировать его в эффективные стратегии деятельности и внести свой вклад в создание новой системы ценностных ориентиров глобализирующегося человечества.

Библиографический список

1. Гаврилов Е. О., Гаврилов О. Ф. Интернет как фактор развития религиозных отношений // Мир науки, культуры и образования. – 2014. – № 3 (46). – С. 344–346.
2. Горохов С. А. Христианство в эпоху глобализации: основные тенденции пространственного развития // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2016. – № 6. – С. 26–34.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУВИЭ, 2000. – 608 с.
4. Кузьмина Е.В., Фазлеева Р.Р. Постсекулярность: тенденции анализа феномена в современных религиозных исследованиях // Исторические, философские, политические и юридические науки. Культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. – № 8 (82). – С. 106–112.
5. Лункин Р.Н. Общественно-политическая роль религии в Европе: запрос на христианскую идентичность // Контуры глобальных трансформаций, политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11. – № 4. – С. 46–64.
6. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 356 с.
7. Радугин А. А., Радугина А. А. Постсекуляризм как мировоззренческая матрица общества постмодерна // Омский научный вестник. – 2014. – № 3 (129). – С. 85–88.
8. Религия и глобализация на просторах Евразии / под ред. А. Малашенко. С. Филатова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), Московский Центр Карнеги, 2009. – 341 с.
9. Степанова Е. А. Постсекулярная религиозность: индивид versus институт // Религиоведение. – 2015. – № 3. – С. 56–64.
10. Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 2 (30). – С. 22–51.
11. Элбакян Е.С. Глобализация в эпоху религии, религия в эпоху глобализации // Религиоведение. – 2013. – № 3. – С. 149–162.
12. Эпштейн М. Религия после атеизма. Новые возможности теологии. – М.: АСТ-Пресс Книга, 2013. – 416 с.
13. Beck U. A God of One's Own: Religion's Capacity for Peace and Potential for Violence. – Cambridge: Polity Press, 2010. – 231 p.
14. Berger P. Reflections on the sociology of religion today // Sociology of Religion. – 2001. – Vol. 62 (4). – С. 443–454.
15. Casanova J. Rethinking Secularization: A Global Comparative Perspective // The Hedgehog Review. – 2006. – Vol. 8. № 1, 2. – P. 7–22.
16. Jenkins J. P. The Next Christendom: The Rise of Global Christianity. – New York: Oxford University Press, 2002. – 270 p.

© Демченко О. Н.,
Демченко И. В.,
Семенов Г. В., 2020.